

Христіанство и революція

Христіанское сознание и христіанская совѣсть поставлены перед революціей, как неотвратимой реальностью. Некуда уйти от этой реальности и нельзя уклониться от своего сужденія о ней. Наступил час выбора, и к нему призываются и тѣ, которые причисляют себя к натурам созерцательным. Не поможет тут и монашески-аскетическое понимание христіанства. Опредѣленіе своего отношенія к происходящей в мірѣ революціи требует бѣльшого аскетизма, чѣм аскетизм монашеской жизни, далекой от волнений міра. Иногда совѣсть повелѣвает аскетическое воздержаніе от аскетически-монашескаго пути. Таков историческій час, когда исторія своей массивной силой вторгается в личную судьбу. Нельзя закрывать себѣ глаз на тот факт, что мы поставлены перед происходящей мировой революціей, перед крушеніем старых обществ и типов цивилизацій, перед радикальным социальным переустройством. Революція эта принимает разныя формы и может быть неопредѣленно длительной. Революціей нужно называть не только однократное событіе в опредѣленный год исторіи, когда происходит возстаніе, сверженіе власти, уличная борьба, когда льется кровь и сажают в тюрьмы, напримѣр, в 1789 году во Франціи или в 1917 году в Россіи. Революція есть измѣненіе принципов, на которых покоится общество. Революция есть не только политическій и социальный феномен, это также феномен духовный, имѣющій религиозный смысл. Так должны болѣе всего думать христіане. Революція есть обличеніе реальностей в их наготѣ, сбрасываніе обманчивых покровов. Революція всегда свидѣтельствует о том, что цѣнности и святыни перестали быть реальностями, что в них нѣтъ уже подлинности и искренности, как сказал бы

Карлейль, что произошло изолганіе, что нѣкогда бывшее священнымъ стало условно-риторическимъ. Духовное состояніе старыхъ режимовъ опредѣляетъ фатальность революцій. Изъ духовныхъ цѣнностей было сдѣлано отвратительное употребленіе, ими защищали неправду и прикрывали корыстные интересы. И духовныя цѣнности стали ненавистны тѣмъ, которые отъ ихъ дурного употребленія страдали. Революція есть судъ и наказаніе. И это не только человѣческій судъ, но и судъ Божій. И если судъ этотъ принимаетъ отвратительныя формы злобной мести, то виновата въ этомъ человѣческая грѣховная страстность, и вину эту должны на себя принять обѣ стороны, не только тѣ, которые мстятъ, но и тѣ, которые довели до этой мстительности. Въ революціи всегда есть моментъ эсхатологическій, моментъ близкій къ концу всѣхъ вещей. И этотъ эсхатологическій моментъ выражается въ двоякой формѣ — и въ формѣ гибели стараго міра и въ формѣ мечты о новой, прекрасной жизни. Но и гибель оказывается не окончательной, разрушеніе прекращается, и новая, прекрасная жизнь не наступаетъ. Торжествуетъ средній человѣкъ и его потребность въ устройеніи. Часъ страшнаго, окончательнаго суда еще не наступаетъ. Болѣе всего, казалось бы, христіане должны признать, что революція есть судъ надъ неправдой міра, и что судъ этотъ имѣетъ религіозный смыслъ. Признаніе этого со-всѣмъ не означаетъ, что революціи намъ кажутся прекрасными, что мы не увидимъ ихъ безобразій. Революціи всегда означаютъ, что люди не хотѣли исполнить Божьей заповѣди и прежде всего искать Царства Божьяго и правды его. И Царства Божьяго ищутъ на путяхъ, на которыхъ творится много новой неправды и обнаруживается много новой лжи. Революція есть болѣзнь, есть тяжкій кризисъ старой болѣзни. И тѣ, которые виновны въ развитіи этой болѣзни, менѣе всего могутъ осуждать формы, которыя принимаетъ тяжкій кризисъ болѣзни. Менѣе всего могутъ судить революцію защитники стараго разрушающагося міра, они не имѣютъ слова въ этомъ событіи.

Болѣе всего нужно было бы предостеречь христіан отъ упрощеннаго отношенія къ революціи, отъ слишкомъ лег-

каго сужденія о ней, при котором христіане ставят себя в положеніе носителей и хранителей правды и святости. Революціи обыкновенно носят антирелигіозный и антихристіанскій характер, они отрицают Бога, отрицают дух, отрицают высшій смысл жизни. Такова французская революція, хотя она направлена была болѣе против католической церкви, чѣм против вѣры в Бога, такова в болѣе-шей степени русская революція. Отсюда дѣлают выводы, что христіане просто должны отрицать революцію, не признавать в ней никакой правды, становиться на сторону контр-революціи. Но позволительно задать вопрос, были ли подлинно христіанскими старыя общества и государства, именовавшія себя христіанскими, не был ли христіанскій характер этих обществ и государств лишь условно-знаковым и риторическим, прикрывавшим реальности, в которых не было почти ничего христіанскаго? Я так и думаю. Недопустимо, и даже возмутительно считать генерала Франко представителем Христа в борьбѣ с Антихристом. Христіанам не подобает быть самодовольными. Реализація христіанской правды в жизни требует совѣм иного и безмѣрно большаго. Смѣшно говорить о христіанском характерѣ тѣх обществ и государств, тѣх типов цивилизаціи, которые нынѣ рушатся и погибают в совершающейся міровой революціи. Христіане страшно запаздывают, инициатива выпала из их рук. Лишь в средніе вѣка она была в их руках. В вѣка же новой исторіи христіане проявили самый безсовѣстный конформизм, освящая любую неправду. Сколько неправды освящали христіане в исторіи — рабство и крѣпостное право, деспотическую власть, капитализм с эксплоатаціей челоуѣка челоуѣком, обскурантизм, отрицаніе знанія и творчества культуры. Христіане не должны были бы допускать, чтобы безбожники осуществляли соціальную правду. И был лишь один способ не допускать этого: самим осуществлять эту соціальную правду, самим осуществлять ее без злобы и мести, без низверженія всѣх цѣнностей духа. Христіане не пробовали этого дѣлать и теперь расплачиваются за это. В Испаніи расплачиваются христіане за прошлое като-

личества, в Россіи расплачиваются за прошлое православія. Это не оправдывает и не освящает тѣх, которые становятся мстителями и палачами, но это лишает права судить с высоты своей правды тѣх христіан, которые виноваты в том, что создали мстителей и палачей. В Мексикѣ 65% земли принадлежало католической церкви, протестантизм же являлся в образѣ американскаго капитализма. Вопрос о христіанской истинѣ был затемнен. Перед лицом происходящаго христіанам подобает не только судить и осуждать, но прежде всего каяться, признать свою вину и грѣхи.

В мірѣ сейчас образуется антикоммунистическій фронт. И я думаю, что духовно нужно бороться против коммунизма, как против рабства человѣка. Но антикоммунистическій фронт двусмыслен. Он слишком часто означает не защиту Бога, а защиту своей собственности и привилегій, и трудно отличить, что относится к Богу, а что относится к собственности. В этой борьбѣ нѣтъ чистоты, и она не может импонировать. На этой почвѣ возможно даже новое опредѣленіе Бога — Бог есть могущественное существо, которое может охранить мою собственность и мои привилегіи. Этим очень пользуются коммунисты, это дает сильные аргументы в их пользу. Христіанство никак, казалось бы, не может защищать феодальной или капиталистической собственности, которая совѣм не есть личная собственность и направлена на угнетеніе личности. Такая неограниченная собственность, не связанная ни с какими личными достоинствами, дѣлается могущественным орудіем эксплоатаціи слабых и неимущих. Единственная собственность, которая допустима для христіанской совѣсти, есть собственность дѣйствительно личная, трудовая, которая не может быть превращена в орудіе эксплоатаціи ближних. В извѣстном смыслѣ только личная собственность и допустима и недопустима анонимная собственность. Христіане должны сдѣлать выбор в происходящей в мірѣ борьбѣ. Они должны имѣть свои оцѣнки, из своей внутренней и вѣчной правды. Между тѣм как оцѣнки христіан слишком часто опредѣляются социальны-

ми влияніями и интересами. Христіанство было слишком соціально в дурном смыслѣ слова, в смыслѣ отрицанія своей собственной духовной свободы.

Христіане должны сдѣлать выбор, но иногда выбор, который им предлагают, бывает ложен. Нельзя отвѣчать на вопрос, который вы считаете по существу невѣрно поставленным и даже нелѣпым. Таков выбор, с которым сейчас пристают с ножом к горлу: фашизм или коммунизм. Мир хотят раздѣлить на двѣ части, на два лагеря — фашизм и коммунизм, и сгруппировать борющіяся силы вокруг этих двух лагерей. Чтобы избѣжать фашизма, нам предлагают быть за коммунизм, чтобы избѣжать коммунизма нам предлагают быть за фашизм. Если вы против коммунизма, то вы тѣм самым фашист, если вы против фашизма, то вы тѣм самым коммунист. Не будем говорить уже о том, что двучленное дѣленіе мира ложно и обыкновенно означает полную потерю интереса к истинѣ и правдѣ, это дѣленіе исключительно военное. Но в данном случаѣ предлагаемый нам выбор нелѣп уж потому, что перед лицом исповѣдуемой нами истины фашизм и коммунизм до поразительности похожи друг на друга. Если я являюсь защитником свободы духа и хочу за нее бороться, то нелѣпо было бы мнѣ выбирать между двумя формами отрицанія свободы духа и порабощенія духа. Если я являюсь защитником верховной цѣнности человеческой личности и хочу за нее бороться, то нелѣпо выбирать между двумя формами отрицанія человеческой личности и порабощенія ея. Мой отказ от выбора между фашизмом и коммунизмом ни в коем случаѣ не может также означать защиты буржуазнаго либерализма и разлагающагося капиталистическаго строя, ибо я вижу в буржуазно-капиталистическом мирѣ третью, уже торжествовавшую в прошлом форму отрицанія свободы духа, реальной, а не формальной свободы, и достоинства, и цѣнности человеческой личности. Фашизм и коммунизм переходныя формы разложенія стараго, изолгавшагося буржуазнаго мира, они стоят в отрицательной зависимости от капиталистическаго мира и наследуют его вражду к

духу и вражду к челоѡчности. Это есть обобществленіе, коммунизация стараго зла, а не творчество новой жизни. Но при этом мы должны признать, что в коммунизмѣ есть бѡльшая соціальная правда, хотя и искаженная. На предлагаемый нам выбор между фашизмом и коммунизмом христіане должны отвѣтить, что они за персонализм, т.-е. за революцію болѣе глубокую, чѣм фашизм и коммунизм, и еще не бывшую в исторіи, в исторіи соціальных отношеній людей. Нельзя достаточно часто повторять, что христіанство персоналистично, что оно дорожитъ прежде всего челоѡком, челоѡческим лицом, его судьбой. Оно ставит челоѡческую личность выше царствъ міра, выше государствъ, націй, обществъ, коллективов, классов, цивилизаций, оно не допускаетъ преращенія относительных цѣнностей в идолы. По христіанскій персонализм должен имѣть свою соціальную проэекцію. Всякая челоѡческая личность имѣетъ право на жизнь, на труд, на реализацию в челоѡческом обществѣ заложенных в ней творческих сил. Поэтому христіанская совѣсть не можетъ примириться ни с какимъ соціальным строем, в котором челоѡческая личность превращена в средство и орудіе, гдѣ унижается ея достоинство и она эксплуатируется, лишается возможности достойно жить в обществѣ. Личность не есть средство для могущества государства и націй, для экономического развитія и возрастанія богатства, для того или иного класса. Великая революція, которая должна совершиться въ мірѣ, есть прежде всего сверженіе кумиров, прекращеніе идолотворенія, к которому так склонен челоѡк. Христіане должны были бы призывать не столько к политической революціи, сколько к революціи противъ чудовищной власти политики над челоѡческой жизнью. Не только духовному, но даже экономическому долженъ принадлежать примат над политическим. Значительная часть политики, терзающей челоѡческую жизнь, не есть реальность, это призрачный и иллюзорный результатъ кипѣнія страстей, челоѡческой корысти и ненависти. Тѣ, которые считаютъ неприемлемой для челоѡческой совѣсти революцію, должны были бы послѣдовательно при-

знать неприемлемой политику вообще, которая всегда практикует ложь, обман и насилие. Революция возстает против лжи политики, в этом ее правда, но сама создает новую ложь политики. Революции не удастся довести политику до необходимого минимума. В этом трагедия революции. Трагедия деятелей революции в том, что они люди одержимые, т.е. в них произошли существенные разрушения личности. Вот этой одержимости христианство не может принять.

Когда ставится мучительный вопрос об отношении христианства к революции, то вот что представляется центральным. Порвет ли христианство с буржуазно-капиталистическим миром, будет ли преодолен униженный конформизм христиан, прекратит ли свое существование «буржуазное христианство» — явление, выраженное в этом чудовищном словосочетании? Возстанут ли христиане против власти денег над человеческой жизнью, признают ли, вернувшись к Христу, что символ «хлѣба» должен замѣнить символ «денег», правительство «хлѣба» замѣнит правительство «денег»? Этот вопрос с особенной остротой ставится для западного христианского мира, который был захвачен процессами, происходившими в вѣка новой истории. Положение русского христианского мира нѣсколько иное. Россия была до-капиталистической страной, в которой никогда не было сильно развитой буржуазии, никогда не господствовал буржуазный дух. Не даром народничество в разных формах, реакционных и революционных, было преобладающим направлением в России. Конформизм в православии определялся не отношением к капиталистическому строю и буржуазным классам, а отношением к патриархальному строю, к патриархальной монархии, сакрализованной церковью, к старому сословному строю и связанному с ним быту, признанному органическим. Развитие капитализма православное сознание скорѣе боялось, оно представлялось разрушительным, революционизирующим человеческий быт. Православное сознание вѣрило в существование вѣчнаго органическаго строя общества. Крушение монархии и старого быта представлялось почти кон-

цом міра. Не мыслили себѣ возможности существованія православной церкви без православнаго царя, без старых сословій, отношенія между которыми понимались, как органически-патріархальныя, без старых форм хозяйствованія, без патріархальнаго деспотизма. Это как бы вывернутый на изнанку экономическій матеріализм, ибо религиозная жизнь ставилась в зависимость от извѣстных соціальных и экономических форм. Признаніе революціи христіанами есть прежде всего признаніе положительнаго смысла крушенія этого стараго міра. Никакого вѣчнаго органическаго соціального строя не существует, всѣ соціальныя, экономическія и политическія формы — относительныя и преходящія, и духовная жизнь не может от них зависѣть. Дух должен господствовать над соціальной средой, а не опредѣляться ею. Никакія историческія тѣла, никакія соціальныя формы не могут быть сакрализированы. Христіанство может признать священными духовныя основы человѣческаго общежитія — цѣнность личности, свободу, справедливость, любовь и милосердіе, труд, но не какія-либо формы государства и хозяйства. Признавъ правду социализма для нашей исторической эпохи, христіанское сознаніе ни в какомъ случаѣ не может признать социализмъ, чѣм-то священнымъ и вѣчнымъ, его значеніе относительное. Христіанин не может себѣ дѣлать никакихъ иллюзій, он долженъ быть реалистомъ, он знает, что совершенное общество не осуществимо в условіяхъ нашей земной жизни. Но из этого христіанскаго пессимизма, тоже относительнаго, а не абсолютнаго, никак не слѣдует, что не нужно стремиться къ возможно большому совершенству, не нужно направлять свою активность на реализацію максимальной свободы, справедливости, человѣчности в устроеніи общества.

Христіанскій персонализмъ в своей соціальной проэкціи неизбѣжно долженъ осуждать классовое общество, какъ противорѣчащее достоинству человѣческой личности. Менѣе всего, казалось бы, христіане должны осуждать в коммунизмѣ желаніе осуществить безклассовое общество. Наоборот, они должны осуждать в коммунизмѣ именно

то, что он создаст новые классовые неравенства. Марксизм видит за человеческой личностью классы, как первичную реальность. Христианство же видит за классами человеческую личность, как первичную реальность. Это значит, что христианство радикально отрицает неправду классового строя общества и классовой точки зрения на жизнь, в то время, как марксизм отрицательно определяется этой классовой неправдой и вводит классовую точку зрения на жизнь с другого конца. Персонализм требует, чтобы всякая человеческая личность оценивалась не по своему классовому положению в обществе, а по своим достоинствам, по тому, что она есть, а не потому, что у нея есть. Идея равенства есть идея отрицательная и в конце концов пустая. Требующий равенства смотрит на соседа, а не на осуществление достоинства и не на достижение качества. Подлинное бытие всегда неравно и различно. Подлинной ценностью обладает не равенство, а человеческое достоинство каждого существа, его свобода, его творчество, его братское отношение к другим людям. Всегда будет большое неравенство между людьми, неравенство качеств, дарований, признаний. Это значит, что должны существовать реальные личные неравенства, именно личные, т.-е. вытекающие из личной разнокачественности людей, а не из разнокачественности их социального положения, их происхождения, как в строе сословном, или их материальных средств, их собственности, как в строе классовом. Безклассовое общество должно быть понято не как нивелирование личности, а как реальное выявление разнокачественности личности, их качественной индивидуализации. Классы подавляют не только друг друга (дворяне крестьян, капиталисты рабочих), но и личность, подчиняя себя все суждения и оценки личности и о личности. Человек должен быть противопоставлен классу и власти «общаго». Это и есть величайшая положительная революция. Ни один человек не может быть признан униженным и отвергнутым вследствие своей принадлежности к классу. Классовая борьба в капиталистических обществах имеет право на существование, и полное отрицание ее до образо-

ванія безкласоваго общества было бы лицемѣрием. Буржуазія все время ведет, если не открытую, то скрытую классовую борьбу. Но борьба против классового общества не должна духовно заражаться классовым духом и перестать считать людьми представителей враждебных классов. Персонализм не думает, что личность образуется и формируется исключительно социальной средой, и потому именно он может быть міросозерцаніем и символикой в борьбѣ за безклассовое, подлинно человеческое общество. Если же личность есть цѣликом продукт социальной среды, то существует лишь классовый человек, и его побѣдить нѣтъ возможности.

Христіанство революціонно, революціонно прежде всего, конечно, в духовном смыслѣ. Но духовная революція не может не имѣть социальных послѣдствій. Христіанское откровеніе есть благая вѣсть о Царствѣ Божьем, Царство же Божье есть переворот всего в мірѣ. Сведеніе христіанства к личному совершенствованію и личному спасенію есть страшное суженіе христіанства и в концѣ концов его извращеніе. Изолированіе личных актов, направленных на побѣду над грѣхом и на достиженіе личного спасенія, от актов социальных, направленных на измененіе общества и на достиженіе всеобщаго, социального и даже космического спасенія, есть невозможная абстракція и эгоизм. В строгом смыслѣ слова личное спасеніе невозможно, спастись можно только с другими людьми и с міром. И христіанство, вѣрное своему источнику, прежде всего означает несогласіе на конформизм с окружающим міром, с состояніем міра, притягивающим вниз. Конформизм христіан, которым полна исторія, есть величайшій позор в судьбѣ христіанства. Всякій социальный строй, всякая власть сопровождалась благословленіем и освященіем со стороны церковной іерархіи. Освящали рабство и крѣпостное право, деспотическую власть, собственность, основанную на выжиманіи пота и крови людей. И этот безсовѣстный конформизм оправдывали смиреніем. Смирненіе и было понято, как конформизм, как покорность злу. Это и вызывает бурную реакцію против христіанства, со-

здаєть тяжелыя асоціаціи у угнетенных, страдающих от несправедливаго соціального строя. На почвѣ христіанства, которое было радикальным низверженіем фарисейства, ритуализма и лицемѣрія, пышно расцвѣли фарисейство, ритуализм и лицемѣріе. Производит впечатлѣніе лицемѣрія и отказ современных христіан допустить принужденіе и насиліе в борьбѣ, хотя часто тут никакого лицемѣрія нѣтъ. Безспорно, дух христіанства отличается от духа революціи прежде всего в отношеніи к средствам, а не цѣлям революціи. Христіанское сознаніе может допустить какія угодно, самыя радикальныя цѣли соціальной революціи, но с трудом может допустить средства, которыми пользуется революція. Христіанская совѣсть не может примириться с ненавистью, убійством, ложью, которыми полны революціи. Справедливое христіанское осужденіе революцій есть прежде всего осужденіе ненависти. Сейчас совершается міровая революція, и христіане должны признать неизбѣжность и справедливость этой революціи. Но в эту революціонную эпоху мір насыщен злобой, ненавистью и жадной кровью, и христіанская совѣсть не может с этим примириться. Современные христіане не рѣдко говорят, что они очень хотѣли бы болѣе справедливаго и челоувѣчнаго соціального строя, но не могут прибѣгать к насиліям для его осуществленія. И вот, несмотря на всю искренность этих заявленій христіан, враги христіанства имѣют очень выигрышный против них аргумент. Христіанам говорят, что они стали кроткими овечками, боятся насилій и крови, потому что потеряли власть в мірѣ, но когда они имѣли власть и управляли Европой, они совсѣм не были кроткими, отлично совершали насилія и проливали кровь для осуществленія своих цѣлей. Преслѣдованія еретиков и инакомыслящих, костры инквизиціи, Варѣоломеевская ночь, религіозныя войны, освященіе имперіалистической воли к могуществу не свидѣтельствуют о слишком большой кротости христіан и боязни насилій и крови в осуществленіи своих цѣлей. На эту тяжелую для христіанской совѣсти ситуацію возможно возраженіе. Дѣло не только в том, что христіане потеряли

власть в современных государствах, и насилия совершают противники христианства, дело в том, что происходит очистительный процесс в христианском человечестве, христиане действительно дѣлаются лучше. Эта духовная революция происходит в христианском мирѣ. Христиане как будто бы лучше и чище поняли вѣчную истину христианства, согласно которой дороже всего человѣку, человѣку со его страданіями и радостями, со своей судьбой во времени и вѣчности выше обществ и государств. Это есть революция в установкѣ цѣнностей, но революция, которая требует измѣненія в отношеніи к средствам борьбы, которыми пользуются для осуществленія цѣлей, приближенія средств к цѣлям. И в этом все отличіе христианской от нехристианской революціи — христианская революция не допускает обращенія с каким-либо человѣком, как с простым средством, или с врагом, подлежащем истребленію, или как с камнем, нужным для построенія зданія новаго общества. Это и есть христианскій персонализм. Он предполагает спиритуализацію и этизацію борьбы, излѣченіе от терзающей мир ненависти. Это не значит, конечно, что христиане должны становиться на точку зрѣнія толстовскаго непротивленія, что означало бы отказ от социальной борьбы. Проблема оправданности насилия очень сложна. Психическое насиліе, которое может быть во всяком влияніи человѣка на человѣка, бывает еще страшнѣе насилія физическаго. Всякое движеніе в мирѣ, всякая творческая активность личности, вторгающаяся в установленную систему міра, заключает в себѣ элемент насилия, воспринимается подвергающимися воздѣйствію частями міра, как принужденіе. Насиліем представляется всякое ограниченіе собственности. Вопрос не в том, чтобы избѣжать всякаго насилия, иногда оно необходимо, а в том, чтобы никогда не разсматривать ни одного человѣка, как простое средство и вещь.

Будущее христианства зависит от того, признает ли оно, что в совершающейся революціи есть правда, хотя бы и искаженная, и станут ли христиане в происходящей борьбѣ на сторону трудящихся и угнетенных классов про-

тив классов привилегированных. Нѣтъ ничего болѣе ложнаго и болѣе фатальнаго для христіанства, чѣм борьба христіан против соціальной стороны революціи. Это дѣлает борьбу подозрительной и двусмысленной. Но христіане не должны быть конформистами и в отношеніи к самой революціи, как факту, приобретающему силу, в отношеніи к надвигающемуся соціалистическому строю. Они должны бороться против ложнаго духа революціи, против отрицанія духа. Міросозерцаніе революціонеров слишком часто бывает ложным, и им свойственна одержимость, разрушительная для личности. Было бы печально, если бы мір увидѣлъ еще новую форму конформизма христіан, конформизма в отношеніи к результатам соціальной революціи. Католическая церковь была с торжествующим дворянством, с торжествующей буржуазіей и она, может быть, будет с торжествующими рабочими. Во всѣх этих случаях христіанство не осталось вѣрным себѣ и своей истинѣ, оно санкционирует и освящает чужую истину или, вѣрнѣе, чужую ложь. В дѣйствительности задача в том, чтобы утверждать революцію из глубины самой христіанской правды. Это означает большое одухотвореніе борьбы, защиту высшей цѣнности человѣческой личности против власти всякаго класса, т.-е. означает революцію во имя человѣческой личности. Соціальная революція сама по себѣ не может создать новой, лучшей жизни и новых, болѣе человѣческих отношеній между людьми. Старый Адам вновь возстает и совершает безчинства. Похоть власти, жестокость, неуваженіе к достоинству человѣка являются в новых формах. Революціи бывают перемѣной одежд, а не существенным измѣненіем людей. Чтобы произошло и реальное улучшеніе и самих людей и отношеній между людьми, а не только внѣшних соціальных форм, нужно соединеніе революціи соціальной с революціей духовной, которая всегда глубже соціальной. Нужно, чтобы духовная революція признала необходимость соціального переворота, а не оставалась равнодушной к соціальным формам, и чтобы соціальная революція признала необходимость духовнаго переворота,

защищала духовныя цѣнности. Без соединенія духовной и соціальной борьбы не может быть достигнута даже от-носительная полнота человѣчности. Духоборческая революція оставляет во власти ненависти, дух ненависти будет единственным духом.

Христіанское сознаніе должно признать правду социализма. Но социализм, котораго хочет христіанство, есть прежде всего социализм организованнаго состраданія, не состраданія так называемых добрых дѣл, которые сумѣли внушить к себѣ достаточное отвращеніе, а состраданія к человѣку, как акта соціальнаго, измѣняющаго структуру общества. Концъ всѣх революцій бывает печальным. Революціи не знают благодарности и благородства, онѣ пожирают и истребляют своих сынов, своих излюбленных дѣятелей, онѣ создают не то, что хотѣли и во имя чего приносили страшныя жертвы. Это не значит, что революціи не имѣют смысла и не имѣют никаких положительных результатов. Онѣ призывают к активной жизни огромные слои народа, раньше угнетенные. Но порожденные роком, онѣ подчиняются року в своих послѣдствіях. В революціи бывает момент, когда человѣкъ вѣрит, что он может быть свободен и может подчинить себѣ рок и необходимость. Но рок и необходимость вновь тяжело ударяют по человѣку. Враги войны дѣлаются милитаристами, свободолюбцы создают тираническія формы власти, стремившіеся к равенству и братству людей создают новую форму неравенства. Судьба революцій говорит не об отсутствіи в них всякаго смысла, а о грѣховности человѣческой природы, об искаженіи человѣком всякой правды, о непобѣдимости человѣческих страстей, о необходимости конца этого падшаго міра, чтобы осуществилось Царство Божье и правда Его. Соціалистическое общество, вѣроятно, будет так же плохо, как плохи были всѣ осуществленія в исторіи, как плоха всякая объективация духа в исторіи. Социализм, навѣрное, станет консервативной силой, против которой придется вести революціонную борьбу. Но человѣкъ всегда должен осуществлять большую правду, большую справедливость, большую сво-

боду, більшу цінність людської життя, не рефлектируя над послѣдствіями, котрыя могут быть искажены силами зла. Христіанское сознание должно оставаться эсхатологическим, обращенным к всеразрушающему концу, котрый не может быть продуктом эволюціи. В этом вѣчная революціонность, а не реакціонность христіанства. И если христіанству присущ элемент пессимистическій в отношеніи к этому міру, то это должен быть пессимизм активный, а не пассивный. Человѣкъ должен бороться до конца, и нельзя уйти от борьбы. Консервативное христіанство было лишь одной из иллюзіи сознания, порожденной пассивностью духа, хотя бы эта пассивность принимала озлобленные формы. Реальное, а не условно-символическое осуществленіе христіанской правды есть не консервированіе міра, а его трансформированіе, его творческое измененіе, без котораго не может быть достойнаго конца міра, достойнаго отвѣта человѣка на Божій призыв.

Николай Бердяев.

Христіанин в революціи

Вокруг слова «революція» давно уже сгустилась атмосфера опасной двусмысленности. Еще марксисты злоупотребили этим термином, понимая его то в социологическом, то в политическом смыслѣ. В наши дни эта двусмысленность перѣдко поражает в устах многих представителей христіанской молодежи на Западѣ. Здѣсь, особенно во Франціи, слово революція сейчас звучит обаятельно для людей доброй воли, которые хотят разрушить все мосты между берегом «Новаго Града» и буржуазным обществом. Но тѣ же люди, которые заявляют себя революціонерами, желают предупредить гражданскую войну, све-